

Библиотека Российского колокола

*Анатолий
Козаренко*

В ГЛУБИНЕ
МОЕЙ
ДУШИ

Сборник

Анатолий Михайлович Козаренко
В глубине души моей
Серия «Библиотека журнала
«Российский колокол»»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=55847200

*В глубине моей души:
ISBN 978-5-907306-62-2*

Аннотация

Сборник стихов с большой душой, который задевает самые сокровенные темы любого из нас. Погрузитесь в чтение и ощутите на себе самые ценные, самые дорогие мгновения жизни автора. Война, сиротское детство, ненависть к фашизму, голод. Но не угасла искра любви к бытию. Кроме стихов о Великой Отечественной войне в сборник вошли строки о нашей мирной жизни. В них можно прочесть о любви, о красоте, как внешней, так и душевной, о природе в разные времена года, о деревне, об Урале. О любви к жене, которая одна на всю жизнь. В сборнике присутствуют и шуточные стихи, а также стихотворение с сюрпризом.

Содержание

Коротко о себе	6
Батон	8
Без музы и «воды»	10
Благодарность	12
В День Победы	13
В ЖКХ бывает и такое	16
В непогоду	20
В роще	22
В час прибоя	24
В ясный, солнечный день	26
Встретил девушку в Тюмени	28
Встречая 93-й	30
Две точки	31
Детство	34
О клёне	36
Давай не будем...	37
До хлопьев снежных	38
Дочери	40
Ещё раз о любви	41
Замело ту тропу у калины	42
Из прошлого века	44
Из прошлого века	46
«Икарус»	47

Интересный случай	49
Конец ознакомительного фрагмента.	50

**Анатолий Михайлович
Козаренко**

В глубине моей души

© А. Козаренко, 2020

© Интернациональный Союз писателей, 2020

Коротко о себе

Родился в 1938 году в Полтаве, на Украине. После Великой Отечественной войны остался сиротой – отец погиб на войне, у матери не выдержало сердце – умерла с похоронкой в руке. Школу окончил в детском доме, в селе Паскивка под Полтавой. Потом – автошкола, служба в армии, заочная учёба в культпросветучилище по классу «Хоровое дирижирование» в городе Кургане. Женится и в 1971 году с женой и маленькой дочкой переехал из Курганской области в го-

род Челябинск. Работал дворником, потом – слесарем-сантехником, так как жить было негде, а жилищно-эксплуатационная контора (ЖЭК) предоставила нам служебную комнату. С 1975 года, до выхода на пенсию в 2007 году, работал водителем городского автобуса в Челябинске. С детских лет увлекаюсь поэзией и музыкой. Самиздатом в малом количестве выпустил два сборника стихов и песенник. Продолжаю сочинять новые стихи – не могу удержаться, по-настоящему заболел этой замечательной болезнью.

Батон

Разглядывал красивые фасады —
Творение умелых чьих-то рук;
Высокие надёжные ограды
Со шпилями, блестящими вокруг.

А дальше, вопреки земным законам,
Седому мне пришлось в конце пути
Увидеть, как играется с батоном
В кораблики ребёнок лет шести.

Он тот батон бил палкою и двигал,
Волну вздымая в луже дождевой.
И памяти моей хватило мига,
Чтоб к пайке возвратиться фронтовой.

Могло ль тогда привидеться такое
В той мгле, что нам оставила война?
Терпели! Жили впроголодь с мукою,
Боялись, что закончится она.

Жевали мел, смолу. Ходили в поле
Искать крахмал картофельный зимой.
И только хлеба маленькая доля
Спасала нас в тот год сорок седьмой.

Не верю, что живущими забыта
Деревня, догоревшая дотла,
И та земля, снарядами изрыта,
Что рожью разрешиться не смогла.

И кланяюсь сегодня всем, кто к хлебу
Подходит, осенив себя крестом.
Пусть будет детям мама, солнце, небо!
Да только не корабликом – батон.

Без музы и «воды»

Добывал слова и ноты
Из глубин своей души,
Вместо музы бомж какой-то
Мне во сне шепнул: «Пиши!»

Нацедив «воды» немало,
Словарями шелестя,
Понял я, что песня стала
Мне, как матери дитя.

Рифмовал, искал изъяны
И, сплотив слова в ряды,
Перепробовал с баяном
Все известные лады.

Торопился, чтобы летом,
На топчан в саду присев,
Спеть как надо два куплета,
После каждого – припев.

О судьбе моей, судьбине
Так, чтоб сердцем и душой!
О берёзке в Украине.
Той, что стала мне чужой.

Не давался тон сначала,
А потом и в тон, и в лад
Лето песней зазвучало,
И цветы дарил мне сад;

И таким казалось утро,
Что от счастья был я пьян,
Только слёзы почему-то
Покатались на баян.

Благодарность

Открытой была в преисподнюю дверца,
Но вы отвели от меня ту беду,
И снова стучит отболевшее сердце,
И снова по жизни, как прежде, иду.
И пусть мне мой путь
Ненадолго подарен,
Я знаю – всему наступает конец,
За каждый свой шаг
Буду вам благодарен,
Согретый теплом
Ваших добрых сердец.

В День Победы

Позовёт жена к обеду,
К украинскому борщу —
Стопку водки за победу
Неприменно пропущу.

Много пить уже не смею,
Но баян беру порой,
Чтоб недуг свой, как умею,
Сгладить пением, игрой.

Вместо нот альбом достану
(жизнь сиротскую свою)
И, подстроившись к баяну,
Вдруг негромко запою

Про цветущие каштаны,
Про девчонку-егозу,
Уронив на мех баяна
Стариковскую слезу;

Про смуглянку, про платочек,
Про печурку и огонь
И про ту, что бродит ночью,
Одинокую гармонь.

Вспомню песни фронтовые
И другие с той весны,
Той, где все ещё живые
Непришедшие с войны.

Посмотрю, как парни наши
На брусчатке держат строй,
Молодые и постарше
От Кремля уходят в бой.

Сколько лет ищу упрямо,
Всё мне кажется – найду.
«Здесь отец твой», – пишет мама.
Только где? В каком ряду?

Сколько их, героев смелых,
Сколько милых светлых глаз
С фотографий черно-белых
С той поры глядят на нас!

Навсегда легендой стали,
Как же мы у них в долгу!
Защитили! Не отдали
Нашу Родину врагу!

Подходи, дружок, послушай,
Как мы с бабушкой вдвоём
В День Победы про Катюшу

На два голоса споём.

В ЖКХ бывает и такое

Присоединяюсь к всеобщему разговору на жилищно-коммунальную тему. История, которую я хочу рассказать, покажется кому-то смешной, хотя она больше похожа на драматический сюжет с оттенком криминала.

В то время, когда жильцы пятиэтажных домов, воодушевлённые решениями 21-го съезда партии, двинулись вперёд, к светлому будущему, слесарь-сантехник Бочкарёв вынужден был уволиться из жилищной конторы № 6, где проработал, если можно так выразиться, почти 10 лет. Был он невысокого роста, а по ширине соответствовал своей фамилии – в дверь с трудом пролазил. Но поскольку все его знали как пьяницу несусветного, то звали его не Бочонком, а Пузырём, и вполне заслуженно. Он приучил жильцов к тому, что прежде, чем подавать заявку в ЖЭК, у них была в наличии бутылка водки, то есть «пузырь», как он её называл. Днём в то время купить водку было невозможно, так как очереди за ней, okayной, были длиннее самой улицы, на которой она продавалась. Жильцы знали, что Бочкарёв бесплатно и порог не переступит, выходили ночью на дорогу и там создавали свою очередь, чтобы отовариться у таксистов. Другого выхода избавиться от засора унитаза, раковины или от утечки воды из кранов у них не было...

И как только водка попадала в руки Бочкарёва, он тут же,

не отходя от аварийного объекта, пил её прямо из горлышка, вернее, выливал, не глотая, себе вовнутрь. Всего пяти секунд хватало ему, чтобы осушить полулитровую бутылку водки. При этом он говорил, что рабочий день длинный, а в груди у него пожар, тушить надо. После пары таких пожаротушений до адресата третьей заявки он добраться уже не мог и укладывался где-нибудь на лестничной площадке отдохнуть до следующего рабочего дня, подложив под голову сумку с инструментом, паклей и сантехническими изделиями. При подведении итогов работы ЖЭКа ко дню коммунальщика оказалось, что у Пузыря выполнено заявок всего ничего, а жалоб в два раза больше, чем у всех вместе взятых.

Сергей Павлович, наш начальник, предложил ему написать заявление об уходе по собственному желанию и в тот же день подписал приказ о моём повышении из дворника в слесаря-сантехника с испытательным сроком две недели. Получилось это кстати. Уж больно надоело мне лёд долбить, мозоли кровавые не заживали. От счастья готов я был хоть в омут головой, лишь бы доверие оправдать. И надо же, подвернулась такая возможность! Очередную заявку по поводу засора канализации, восемьдесят седьмую по счёту за полгода, настрочила пенсионерка Курочкина Анна Фёдоровна, и так как идти к ней уже никто не хотел, эта заявка под общий хохот досталась мне. Помню, входил я к Анне Фёдоровне в квартиру № 12, волнуясь, как на боевое крещение.

Встретила она меня не очень вежливо, а потом и вовсе

сквозь слёзы стала изливать в мой адрес всю свою обиду на нашу контору, мол, в ней одни пьяницы да бездельники. Первое, что я ощутил, войдя в её квартиру, – неприятный запах, несмотря на то, что все форточки были открыты, и это явление Анна Фёдоровна объяснила так: «Дом был построен полгода тому назад. Мы с радостью получили эту квартиру, но с первых же дней поняли, что радовались напрасно. Вот такой запах стоит у нас с самого начала. Всё, что накапливается в унитазе, через день-два поднимается вверх. Слесаря приходят, проливают горячей водой, тросиками прочистят и уходят, а через день-два всё повторяется снова. Мы не знаем уже, что делать. Собираемся подавать объявление в газету на обмен жилья, терпения больше нет». Я понял, в чём проблема, и когда Анна Фёдоровна умолкла, спросил у нее, пытался ли кто-то из слесарей отсоединить унитаз. На что услышал такой ответ: «Как же его отсоединишь, если он у нас в основание туалета забетонирован наглухо?» «А как в других квартирах?» – снова спросил я и получил ответ, что в других квартирах унитазы закреплены при помощи пробок и шурупов.

Заканчивая свой рассказ на коммунальную тему, скажу, что жалко мне стало Анну Фёдоровну, и я решил выдолбить этот злополучный унитаз из цементного плена во что бы то ни стало, хотя уверенности в том, что он не треснет, поскольку керамика – материал хрупкий, у меня не было. Пришлось изрядно потрудиться и, к счастью, всё получилось. Остава-

лось ослабить хомуты на патрубке и сдёрнуть его, отодвинув унитаз к двери. Проделав это, я сразу увидел, что вход в канализацию перекрыт каким-то предметом, похожим на букву «Т». Это был молоток с обломленной ручкой. Нетрудно догадаться, что этот «подарок» был забит туда строителями нарочно. Вот только зачем? Остаётся загадкой.

Домой я ушёл поздно вечером, когда всё как надо сделал. Через три дня, когда Анна Фёдоровна снова появилась в ЖЭКе, ей сразу же, как всегда, достали книгу жалоб, и она с ней пошла к Сергею Павловичу. О чём они говорили, не знаю, но когда я зашёл в ЖЭК после очередной заявки, он вызвал меня к себе и, указав на книгу жалоб, велел прочитать. Книга была вся исписана жалобами, а на последней странице я увидел благодарность от Анны Фёдоровны. «Молодец, – сказал Сергей Павлович, – поздравляю!». И, вручая мне коробку конфет «Птичье молоко», добавил: «Раз ты не взял у неё ни водку, ни деньги, она тебе конфеты купила, просила передать».

В тот же день в ЖЭКе появилась книга благодарностей, чего никогда не было за всё время его существования, а последний лист от жалобной книги приклеили в неё первым. Конфеты я принёс домой и отдал дочке. Она в то время была ещё маленькой.

В непогоду

В Край непогода зачастила,
Лишь время лета истекло,
Вода озёрная остыла,
Прозрачной стала, как стекло.

Там, где вчера белели розы
И вальс играл нам гармонист,
Уже с единственной берёзы
Упал на землю жёлтый лист.

Пожухла клумба, а за нею,
Встав из тумана поутру,
Густым багрянцем пламенея,
Дрожит осинка на ветру.

Всё – раньше срока почему-то!
И вдруг встревожилась душа:
Наверно, августу минуты
Часы отмерили, спеша.

Но как сдержать мне эту пору,
Когда в полёте журавли
И от дождей все ярче горы
Синеют кедрами вдали?

И я несусь по небосводу
С многоголосой стаей птиц,
Любя Урал и в непогоду
Любовью верной, без границ.

В роще

Сезон уже не дачный,
Но всё ещё грибной.
Пронизан лес прозрачный
Насквозь голубизной.

То ветреная осень,
В стога сметав траву,
Велела рощам сбросить
Всю жёлтую листву.

Стоят теперь берёзы,
Надеждою полны,
Что лютые морозы
Им будут не страшны —

Укроют снегопады,
А там уж после сна
В зелёные наряды
Оденет их весна.

А я укрою грузди,
Сухой листвой шурша.
И светло-нежной грустью
Наполнится душа.

В час прибоя

(Стихи на мелодию с лёгким восточным акцентом)

Выйду
В час прибоя к морю,
Где с тобою мы кормили чаек,
Что клевали на лету.
Брошу вдаль взгляд печальный
И опять час прощальный
Проведу с тобой в порту.
Постою у берега,
У вспененной воды,
Где, ступая бережно,
Искал твои следы.
Без тебя теперь я маюсь,
Сам не свой бреду туда.
Буду верить, что расстались
Мы с тобой не навсегда!
Что придёшь ты на то место
Так же летом, через год,
Но не гостьей, а невестой,
И твой белый теплоход
Ждать тебя уже не станет.
Возле пирса протрубя,

В синеве морской растает
Без тебя.

В ясный, солнечный день

Многолюдна лесная поляна. В разгаре весна, на берёзах в зелёной листве звонко перекликаются разные птицы.

Ясный, солнечный день – в пору копаться на садовых участках, а мы все здесь, у могилы. И не потому, что покойный был нашим начальником. Человеком он был, добрым, отзывчивым, справедливым. Все водители, свободные от маршрутов; многие даже с семьями, приехали проститься с Иваном Семёновичем. Трёх автобусов едва хватило, чтоб всех нас до кладбища доставить.

Вот уже гроб закрывают крышкой, гулко раздаётся стук молотка, ударяемого по гвоздю. Смотрю на рыжий вал сырой суглинистой земли, которой скоро засыпят его навсегда, и в памяти всплывает тот зимний морозный день, когда мы встретились с ним в последний раз, через месяц примерно после того, как скороспелое молодое руководство предложило ему уйти на пенсию. Я с трудом его узнал. Он шёл, сторбившись, трясущийся, с тростью, как девяностолетний старец, хотя ему было всего шестьдесят. Поздоровались. Он вынул из сумки мобильник «Моторола», и на его бледном лице зашевелились посиневшие губы: «Вот, велели сдать... казённый, сказали, хотя мне он был подарен на деньги, собранные коллективом». До сих пор мне слышится его больной, простуженный голос.

Через год молодёжь, пришедшая к руководству, довела предприятие до развала. Всё было распродано, и автобусный парк прекратил своё существование, но Иван Семёнович остался в нашей памяти навсегда.

Встретил девушку в Тюмени

Встретил девушку в Тюмени,
Что милей на свете нет.
Синеглазая пельмени
Подала на обед.

Без неё теперь страдаю,
На уме – тот светлый день,
И в мечтах я к ней летаю
Из Челябинска в Тюмень.

Птицы певчие запели,
В край весна идёт звеня.
Только песни и капли
Стали мукой для меня.

Всё брожу, где был и не был,
Всюду цвет любимых глаз —
В синегорье, в синем небе,
В синеве реки Миасс.

Знаю, будет всё иначе,
Верю я, что город мой
Станет сказкою богаче
Не весной, так зимой.

Подарю его невесте,
 Попрошу женой мне стать,
 Чтоб пельмени стряпать вместе
 И по Кировке гулять.

Встречая 93-й

Уже не можем ближнего жалеть мы —
Всё доллары целуем, а не крест.
Вот бабушка с обличьем, как у ведьмы,
Опять из бака мусорного ест.

Какая ж кровь томится в наших жилах,
Когда при этом празднует душа?
Учительница та, что нас учила, век
Доживает в статусе бомжа!

Забыли мы всё то, чему учились.
Моральный Кодекс. Вспомнить бы о нём.
Свежее быть наружно наловчились!
Да вот нутром черствеем день за днём.

Две точки

Как-то раз у входа в сквер
После дождика в четверг
На скамье дремали точки,
Словно маменькины дочки.
Обе круглы и черны,
Только блеском неравны.
Вдруг блестящая проснулась,
К неблестящей повернулась
И, слегка её толкая, заворчала:
– Кто такая? И откуда появилась
Неумытая с утра?
– Я из горного села,
Навсегда сюда скатилась,
Потому и не умылась,
Что всю ночь в пути была!
Искупаюсь в чистой луже —
Стану вновь тебя не хуже.
– Замечательный ответ!
Только главного в нём нет —
Той причины, по которой ты решилась
Свою гору на равнину поменять.
Кто ж так смог тебя донять?
– Астроном один святой
В длинной рясе, с бородой,

Покрутив изрядно глобус,
Сочинил свой первый опус
И с улыбкой на лице
Посадил меня в конце.
А потом, после обедни,
Вырвал злобно лист последний,
Смял его, топчась на месте,
И швырнул со мною вместе
Прямо в грязное ведро!
Ночью стала на ребро
И на скорости хорошей
Принеслась к утру сюда.
Без меня свой труд святоше
Не закончить никогда!
– И куда же ты теперь?
К «ПИШИ. ПРО» стучаться в дверь
Идти вместе предлагаю.
– Что ты! Мне туда нельзя!
У меня стезя другая,
Музыкальная стезя,
Суждено у знаков спины
В партитуре видеть мне,
Добавляя половины
К их естественной длине.
Но хочу я так работать,
Чтоб звучать, а не молчать,
Чтоб не паузам, а нотам
Половиночки вручать...
Я не раз понять стремился

И искал прямой ответ,
Почему мне вдруг приснился
Этот точечный сюжет
С двумя точками, и только?
А на небе точек сколько?!
Назову лишь три, к примеру:
Марс, Юпитер и Венеру.
Не спеши сюжет порочить,
Раз решил промолвить что-то.
Взять наш мир – и обесТОЧИТЬ.
Что тогда?
Не думал? То-то!
Я в пылу ажиотажа
Допишу ещё две строчки.
Знай! Земля большая наша
Для кого-то тоже – точка!

Детство

Лужица у дома на песке
Маленькому мальчику – не горе,
Он уже с корабликом в руке
Входит в эту лужицу, как в море.
Бакенов сигнальные огни,
Славные фарватеры отважных —
С крохотных корабликов бумажных
В детстве начинаются они.

Девочка лебёдушкой прошла,
В платице нарядное одета.
Может быть, не зря её звала
Бабушка артисткою балета.
Годы пронесутся, и тогда
Станет эта девочка известной,
В звёздной бесконечности чудесной
Новая засветится Звезда.

Ластиком протёртая слегка,
Красками раскрашена в три цвета,
Смотрит на густые облака
Жёлтыми окошками ракета.
Вот уже набрал он высоту,
В воздухе наш маленький художник.

В космосе найдёт он звёздный дождик,
Тот, что подарил ему мечту.

Лампочки на улицах зажгли,
Песни колыбельные пропеты.
Пусть приходят к людям всей земли
Добрые, счастливые рассветы,
Чтоб вовек в руинах и золе
Слёз не лить напуганному детству.
Взрослые! Давайте же в наследство
Мир подарим детям на земле!

О клёне

Пронёсся ветер рощей оголённой,
Где только клён стоял ещё с листвою.
И вот уже, как птицы, листья клёна
Кружатся над моею головою.

А как манил к себе он той листвою!
Красивою, одной на всё полесье.
Трепещущей, весёлою, живою
Вошла она в стихи мои и песни.

Хотел читать опять ему с дороги,
Что сочинил о нём, словарь листая,
Да прошептал есенинские строки:
«Отговорила роща золотая...»

Давай не будем...

От одного прикосновенья
Порой захватывало дух.
Да смыло бытом те мгновенья,
Как с тополей дождями пух.

Живём, весны не замечая,
И, узнавая, что почём,
Придя домой, за чашкой чая
Всё спорим, спорим ни о чём.

Давай не будем – об одежде,
О том, что пьём и что едим!
Присядем рядышком, как прежде,
В глаза друг другу поглядим.

Коснёмся вновь забытой темы
И, может быть, заметим мы,
Как распустились хризантемы
Среди пришедшей к нам зимы.

До хлопьев снежных

Демонстрировала клёну
Белоствольная берёзка
Свой наряд простой, зелёный,
А потом – осенний, броский.

И к зиме пред ним решила
В шубке белой красоваться,
Да с листвою поспешила
На беду свою расстаться.

Прилетели ветры злые
К ночи с северного края,
И берёзке дни были
Показались краше рая;

Гнулась, веточки ломала,
Мёрзла, ёжилась невольно;
Враз несчастная познала,
Как морозы жалят больно.

Ночь терзалась так, как будто
В страшном омуте тонула.
Впав в отчаянье, под утро
К клёну-молодцу прильнула.

И согрев листвою свою
Стан её холодный, нежный,
До поры желанной, снежной
Клён стоял, обнявшись с нею.

Перед окном больничной палаты гнулся от ветра на морозе клён с неопавшей листвою. Рядом с ним стояла голая берёзка, и мне показалось, что она тянется к нему, чтобы согреться под его ветвями.

Дочери

Раскину фотографии, как карты,
И молча посижу в ночной тиши.
И вот уже летишь как в облаках ты,
Не в силах укротить огонь души.

То вдруг – Кармен, то в образе Жизели
Стройна, очаровательна, мила!
О, как тогда мы с мамой не хотели,
Чтоб ты у нас танцовщицей была!

Напрасными остались наши речи,
Бессильным оказалось слово «нет»,
Умчалась ты мечте своей навстречу,
В свой новый мир по имени Балет.

Но как приятно было на душе,
Когда о нём знакомые спросили,
А я сказал – танцуешь, но уже
Заслуженной артисткою России.

Ещё раз о любви

У природы уральской пора золотая,
За багряной горою догорает закат;
На зеркальных озёрах гусиные стаи
Перед дальним полётом хлопчут, шумят.

А на небе уже зажигаются звёзды,
На ночное дежурство заступила луна.
Будем с нею вдвоём верить в то, что придёшь ты,
И тобой любоваться мне поможет она.

Но порою боюсь и без лунного света,
Чтоб с ума не сойти от твоей красоты;
Если здесь, на Урале, и цветут самоцветы,
Самый яркий из них самоцвет – это ты!

Замело ту тропу у калины

*Памяти В. Вольфовича, создателя на ОТВ
программы «Искры камина»*

Было трудно поверить вначале
В ту причину глубокой печали.
Так внезапно случилась беда,
И ушёл он от нас навсегда.

Как он пел с гармонистами клуба!
И его «Незабудка», и «Люба»,
Побывав в самых дальних местах,
У народа теперь на устах.

Выходил он с улыбкой на сцену,
Знали мы настоящую цену
Его добрым делам и словам,
От которых тепло было нам.

Он ушёл далеко, прямо к звёздам,
Но всё то, что с любовью он создал,
Не умрёт, будет жить день за днём,
Как и светлая память о нём.

Замело ту тропу у калины,

Где ходил он, мечтая не раз,
Но искрятся с экранов «камины»,
И Вольфович опять – среди нас.

Из прошлого века

Помню те времена, когда все прогрессивное человечество боролось за мир. Войны и сейчас большинство людей на земле не хотят, но это нежелание как бы само по себе живёт тихо, а тогда о мире не писали только ленивые. Песни, стихи, картины, кружева, ковры и вышивки с голубями – всё это призывало к дружбе и миру между народами. Редактор районной газеты знал, что я в деревнях на концертах удивляю народ своими частушками, и однажды при встрече предложил сочинить что-то для газеты на первую полосу. И что вы думаете? Сочинил! А он напечатал с такой преамбулой: «... Печатаем звонкие стихи шофёра А. Козаренко «За мир на земле». Вспоминаю сегодня те стихи, наивные они. Но что поделаешь – время тогда было такое, да и я был на полвека моложе.

Увидев в газете моё стихотворение о мире на земле, директор Мокроусовской музыкальной школы Николай Антоненко при встрече со мной показал строчку, которая, как он выразился, не выходила у него из ума. Потом мы пошли в школу. Там он проиграл мне свою замечательную мелодию и предложил придумать к ней слова. Я пообещал попробовать. Долго у меня ничего не получалось, уж больно привязал он меня к своей строчке, ну никакой свободы мышления! «То не море расшумелось грозное» – именно так захотелось

ему, чтоб начиналась песня. И всё же через неделю наша песня была готова, баянист Юра Першин быстро её разучил, и она стала украшением наших выездных концертов. Сельчанам песня очень понравилась, на бис не раз приходилось её исполнять. Назвали мы песню всё той же первой строчкой: «То не море расшумелось грозное».

Из прошлого века

Люди мирные борются с бурей и зноем,
Превращая в сады и поля целину.
Кто позволит в прекрасное время такое
Разжигать на земле мировую войну?!
Нам для мира и счастья земля плодоносит,
Мы ни счастье, ни мир не вверяем судьбе!
Кто силён и отважен, тот мира не просит,
Тот его отстоит в неустанной борьбе...

То не море расшумелось грозное
В летний вечер предо мной,
То бескрайние поля колхозные
Золотой шумят волной.
Дорогие, сердцу очень близкие,
Песни льются от души...
До чего ж поля мои сибирские
В час заката хороши!
Эх, гармонь, моя подруга верная,
Сколько пройдено пути?
Но таких полей нигде, наверное,
В целом мире не найти.

«Икарус»

Угол крыши, как парус,
Над сожжённой травой,
Погибает «Икарус»
Под струёй огневой.

Он ещё б по маршруту
Много вёрст накатал,
Да ненужным кому-то
В час несправедный стал.

Изловчились, сумели
За вместимость казнить.
Сколько ж надо «Газелей»,
Чтоб его заменить!

Разобрали на части,
Разрезают огнём,
Кто-то пляшет от счастья,
Я же плачу о нём,

Понимая невольно,
Чем он был для меня,
Раз так стало мне больно
От шипенья огня.

Повидал он немало
Наших горе-дорог,
Гнал его я, бывало,
И лелеял как мог.

Чтоб прожить не вполсилы
У судьбы на краю.
Так стоят у могилы,
Как пред ним я стою.

Интересный случай

Был я тогда совсем юным. После обучения в ремесленном училище меня, столяра четвёртого разряда, направили на работу в г. Владивосток. Обрадовался я сильно! Никогда моря не видел, а тут сразу – Тихий океан! Два года отработал, как требовалось по закону, на заводе в столярном цехе, где делают мебель на суда, и нашёл работу интереснее – рабочим сцены в Крайдрамтеатре им. М. Горького. Освоился я быстро. Вся работа моя заключалась в том, чтобы ставить декорации, а когда шёл спектакль, просто отдыхать до следующего акта.

Было нас трое, и мы хорошо справлялись с работой, каждый на своём месте. В репертуаре театра были тогда спектакли «Угрюм-река» Шишкова, «Кремлёвские куранты» Погодина и другие. Расскажу интересный случай с того вечера, когда на сцене шёл спектакль «Кремлёвские куранты». Установили мы всё, что было нужно, сидим, курим. Спектакль идёт уже какое-то время, вдруг за кулисами появляется Ленин! Проходя мимо нас, остановился и, слегка картавя, сказал: «Здравствуйте, товарищи!» Я произнёс, заикаясь: «Здравствуйте» и смутился от того, что курившие ответили ему: «Привет!», как обычному мужику. Потом он наклонил голову набок и ленинской походкой быстро пошёл на сцену.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.